

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Долли. Лирика о моей суке

Я долго думал, с чего начать бесхитростную историю о моей Долли. Но, поскольку Долли моя рабыня, моя собственность, начну с того, что представляюсь сам. Господа, я мразь. Говорю это без тени садомазохистского самолюбования, просто хочу сказать, что в этой истории решил быть откровенен до конца. Это история о моей девочке, и я играю в ней не лучшую роль. Вам бы и в голову не пришло, столкнись мы по работе, на банкете или, скажем, на презентации, даже подумать обо мне так. Если вы женщина, я завлек бы вас обаянием галантной нахальности. Если вы мужчина, вы бы назвали меня «дружище» после какого-нибудь разговора по душам. Все дело в том, что я «свой» в любой компании; тот, кого, поговорив всего каких-нибудь полчаса, дружески хлопаешь по плечу, увидев всего-то в первый раз. Это потому, что я, как и большинство из вас, ношу маску.

Но довольно предисловий, я хотел бы рассказать вам о своей девочке. Вернее, о том случае, когда я понял, что я мразь, а она шлюха. И, если вас не коробит от стиля моего изложения, я приступлю.

Я никогда не был обделен женским вниманием, но однажды решил покончить с холостяцкой жизнью. Хотя я и не склонен к моногамии, и от самого выражения «добропорядочная семья» меня порядком подташнивает, однако во многих отношениях иметь жену приятно и полезно. По крайней мере, я так считал на тот момент. Впрочем, здесь я мало чем отличаюсь от большинства.

Подходящую кандидатуру я искал долго, где-то полгода, точно не помню. Пока не обратил внимание на молоденькую сотрудницу из соседнего отдела. Красотой она не блистала, просто симпатичная скромница. Однако было в ней что-то, что меня, признаться, зацепило: это был ее взгляд. Просто-таки сама непорочность. Про себя я прозвал ее «овечка Долли». Позволю себе здесь и дальше называть ее этим именем. В общем, я думаю, вы поняли, что я имею в виду. Та, для которой я стал бы Богом, Всем, которая будет верной, преданной, любящей сучкой.

Избавив вас от излишних подробностей периода ухаживания и встреч, я начну с момента, когда Долли уже поселилась у меня. Я взял ее к себе спустя пару месяцев после первой встречи. Расписываться, правда, я не спешил, и это бы единственный пункт, по которому моя сожительница первое время устраивала сцены плача. Впрочем, я ничего не имею против женских слез, скорее наоборот. Я бы сказал, для женщины слезы — лучшее украшение. По крайней мере, в моих глазах.

Моя овечка выделялась на общем фоне истеричных особ, громко сморкающихся в платок с воплями «ты меня бросил» (как будто я что-то обещал) или «дай денег на аборт, иначе покончу с собой» (как будто я виноват в том, что они не предохранялись как следует). Нет, моя Долли плакала молча, слезы текли по ее бледным щекам, и это было так трогательно, что хотелось доводить ее до слез как можно чаще.

В общем, моя овца во всем нравилась мне, кроме двух вещей. Во-1, в постели она была зажата и, я бы сказал, весьма консервативна. Во-2, уж слишком она была овцой. Ты ее и так, и эдак, а она овца овцой. Или как грустная собачонка. Иной раз ударишь ее, оскорбишь, унизишь чисто из любопытства: умеет ли она кричать? Оказалось, умеет. Визжать. Если руки выкручивать посильнее.

Первую ночь я пытался раскрыть в ней шлюху, но что-то девочке мешало, несмотря на собачье обожание в глазах. Видимо, виной тому пуританское воспитание. Что ж, решил я, шлюх полно и без нее, а вот для роли жены моя овца идеальна.

Чуть не упустил из виду еще одно обстоятельство, не устраивавшее меня: работу Долли. Во-1, занятость моей сучки отрицательно сказывалось на ведении домашнего хозяйства. Я так считаю, функция жены — заниматься бытом. Здесь я полностью за наследие патриархата. Во-2, после работы, особенно в удачный для Долли день, она была не такой уж овцой, а ее независимость или, не дай бог, карьера не входила в мои планы насчет моей бесплатной прислуги. И, в-3, для меня было бы проблематично отказывать себе в удовольствии лишней раз въе...ть своей овце в глаз. Потому как идеал женщины для меня — это шлюха и б...дь, правда, с оговоркой — исключительно для моего личного пользования. И если в постели Долли до шлюхи было далеко, зато ее кроткое лицо с подбитым глазом возбуждало меня не меньше, чем секс с развратной девкой.

Впрочем, проблема разрешилась сама собой: пришел домой — на стол не накрыто — въе...л в глаз — уехал до утра — утром увидел заплаканную спящую с подбитым глазом б...дечку. (После того дня о работе не было и речи). И изнасиловал ее в попу. О, наконец-то я услышал, как кричит моя сука.

Вы спросите, отчего она не сбежала сразу? Милые дети. Все женщины — потенциальные садомазохистки, и либо мы оскорбляем, муштруем, подчиняем их — либо они держат нас под каблуком и садятся на шею, свесив ножки, периодически наставляя рога. Не знаю кто как, а я лично себя к разряду клоунов не отношу.

Первые дни нашей «семейной» жизни я не считал за труд посвятить обучению своей рабыни (если уж называть вещи своими именами). В обязанности жены входило: чистить мне ботинки, обувать-разувать меня, массировать мне ступни руками и языком, готовить, подавать и прочее, что делала бы практически любая женщина, если не хочет быть покинутой. В качестве наказания я либо банально п...дил свою овцу, либо применял обычное в таком деле средство при воспитании жены — ремень. П...дить жену лучше закрывшись с ней в туалете или в ванной, откуда ей сложнее убежать, а во избежание вызова соседями милиции после нанесения удара полезно сразу же закрыть ей пасть рукой, пускай мычит себе и своему супругу/сожителю на радость.

Что касается техники нанесения ударов, то она зависела от того, со следами или без. Если мне хотелось видеть свою овцу беззащитной б...дью, то лучше, конечно, въе...ть по лицу, по возможности не задев нос. Можно также оставить следы на груди, попе, руках и ногах. Если же следы нежелательны — легкое придушивание, несильные удары по почкам, по п...де, заламывание конечностей или пальцев рук/ног. Стоит, к примеру, слегка заломить руку за спину — и перед вами сука, покорная и готовая на все, лишь бы вы этого не повторяли.

Но, разумеется, п...дил я свою овцу не каждый день, а при либо сильном желании, либо особо плохом настроении, либо в качестве наказания, а то и просто так, для профилактики и поднятия своего тонуса. Чтобы сучка не визжала слишком громко, я ставил порнуху на полную громкость. Пусть соседи себе думают, что мы дико любим друг друга. Может, и их вдохновило как-нибудь сменить позу миссионера на что-нибудь более продвинутое.

Однако, через месяц-два, просто п...дить свою женушку мне приелось. Хотелось чего-то... более острого, что ли. Тогда я прибегал к различным шалостям. К примеру, во время мытья

пола моей рабыней выплескивал ведро воды на пол. Пока она орудовала тряпкой, усаживался поудобнее и, похрустывая сочным яблоком, время от времени бросал ей в голову тапок или огрызок. Тапок сучка должна была принести на четвереньках в зубах, а огрызок доест за мной. Также забавно было пнуть ее, когда она меньше всего ожидает этого.

Да, пожалуй, самым приятным развлечением для меня было унижить или причинить боль внезапно, когда моя бедная овечка меньше всего ожидала. К примеру, неделя полнейшей идиллии. Она щебечет по телефону с подружкой, и вдруг получает плевков в лицо. Вы скажете — а-а, ну это детский сад. Однако, осмелюсь утверждать, важно не столько то, ЧТО ты делаешь, а КАК, и какова при этом ответная реакция. Вот врезалась в память картинка: она на секунду замирает и, вытирая с нежного лица слюну, становится снова моей овечкой Долли. Или она у меня на коленях, ласкает меня, целует, я нежен с ней как никогда — и вот, влепив ей оплеуху, я сталкиваю ее к моим ногам и расстегиваю ширинку. Или: она встречает с работы — а я с хорошенькой сотрудницей. Приказываю помочь раздеться гостье, принести чай к нам в комнату и оставить наедине, поскольку у нас «деловой разговор». Я кончал при этом уже от одного того, что в процессе представлял вторжение моей жены в этот пикантный момент в комнату. Впрочем, моя овца без стука бы не вошла. Поскольку иначе ей пришлось бы долго прикладывать лед и, ползая у меня в ногах при гостье, умолять о прощении.

О, Долли была овцой во всем, несмотря на все свои попытки уйти — и тогда я играл роль раскаявшегося грешника, умоляя на коленях о прощении. Ха-ха, чего стоили одни мои страстные письма с мольбами не разбивать мое больное сердце.

«Я люблю тебя, дура!» — так начинались мои послания.

«Дура, я тебя люблю!» — так заканчивались они.

И моя овца простодушно верила, что клятва сердцем матери, уже давно умершей — это святое!

Хотя я так и не смог сделать из жены шлюху в постели, зато позволял себе некоторые забавы. К примеру, е... ть свою суку в задницу, возбуждаясь от горячих красоток в порнухе, вслух сравнивая ее мастерство с их, разумеется не в ее пользу. Или просто положить своей овце на лицо журнал с какой-нибудь грудастой милашкой на обложке. Или в процессе е... ли описывать в подробностях прелести знакомых дамочек, фантазии секса с соседкой, или просто со смаком описывал перепих, произошедший где-нибудь на днях на рабочем столе. Или со смазливой секретаршей под ним. Или минет в исполнении сразу двух нимфеток, за то, что подвез «бесплатно» (наивные дурочки, и нужно быть полным ослом, чтобы не воспользоваться этим).

Иной раз я имел свою жену связанной, не раздев ее, а просто оголив незащищенную грудь с нежно розовыми сосками. Покусывая их до боли, под крики и мольбы моей овцы я кончал особенно бурно.

Вскоре я придумал еще одно развлечение — использовать рот жены как отхожее место. Пожалуй, здесь были некоторые попытки сопротивления, но пара зуботычин мигом напоминали моей овце, кто в доме хозяин, повелитель, господин и бог. Именно так я и приучил ее к себе обращаться. В том числе в людных местах.

Все-таки «мой Бог» в устах молодой привлекательной женщины звучит более приятно слуху, чем банальное «муж». К тому же я приучил сучку к мысли, что я не женюсь на ней. И если она родит, я не подставляю свой паспорт, как какой-нибудь лох и кретин. Кроме того, она знала о моей слабости к хорошеньким женщинам, и должна быть готова к тому, что однажды

я приведу в дом другую женщину.

Две жены — такая перспектива меня, как представителя восточного менталитета, не могла не вдохновить. И нередко я делился с женой фантазиями: вот мы на прогулке втроем — я и по левую и правую руку две мои беременные сучки; вот они кормят грудью (надо сказать, незащитный вид кормящих сук, равно как и набухшее их вымя всегда заводили меня особенно); вот я сцеживаю им молоко, как телочкам, и затем они пьют его, каждая у другой; вот мы в постели — одна жена спит в ногах, другая с членом во рту, чтобы отсосать сразу же, как проснется. Минет с утра пораньше меня всегда делает как-то бодрее. Единственное, что меня во всем этом смущало, это кормить двух баб и мирить их в случае ссоры. Нет, уж лучше секс втроем, которым я частенько грешил в юности, когда не мог из двух выбрать одну.

Как-то моя женушка набралась смелости и отказала мне в сексе, сославшись на то, что попа у нее болит со вчерашнего дня, а п... да после фистинга с позавчерашнего.

— Хорошо, — согласился я. — В таком случае я сниму проститутку.

— То есть как проститутку, Хозяин? — побледнела моя овца-мученица.

— А элементарно. То, в чем отказывает жена, с радостью сделает проститутка. Разница только в том, что у проститутки получается лучше.

Долли начала валяться в ногах, плакать, умолять и причитать. Я невозмутимо раскрыл газету и стал набирать номер телефона. Долли притихла. Похоже, этот удар оказался для нее больше, чем я мог предположить. Что ж, тем лучше. Может, на этот раз я смогу вывести овцу из себя. Иной раз мне безумно хотелось укротить строптивую козу, чем видеть вечно покорный взгляд безропотной овцы.

— Алло, — произнес я тем низким голосом с хрипотцой, что так заинтриговывает слабый пол.

— Мне, пожалуйста, брюнеточку с короткими волосами, грудь двойка или тройка.

Записывайте адрес...

Пока я диктовал адрес, сучка, обнимавшая гольшом мою ногу, вцепилась мне в штанину и задрожала, как осиновый лист. Когда я повторил номер квартиры, услышал сдерживаемые всхлипывания.

— Вы не один? — спросила администраторша притона.

— Я? Честно говоря, пока нет, но эта женщина скоро уйдет, на этот счет без проблем...

Отлично, жду.

Я повернулся к жене. Она каталась по полу, схватившись за голову, и издавала глухой рев смертельно раненого звереныша.

— Ну, будет, мышонок. Вставай, не делай трагедии из банального перепиха. Ты же знаешь, я...

Тут она вскочила, как разъяренная дикая кошка, и, глядя мне в глаза горящим ненавистью взглядом на искаженном лице, закричала не своим голосом, словно пещерная женщина:

— Ненавижу тебя! Будь проклят!

Я, сам не знаю, что меня заставило, цинично усмехнулся и тут же рассмеялся. Смешок получился, надо признать, какой-то паршивенько-гаденький.

— Ты не бог! Ты... ты... ты — мразь!

Ее дрожащие губы только выкрикнули это слово, как она уже отлетела в глубь комнаты. Держась ладонями за глаз, моя сука заскулила. Я молча подошел к ней и, расстегнув ширинку, притянул ее за волосы:

— Сосать, сука. И отлижи яйца, х... ска. Что, до этого додуматься сама не могла?

Она подчинилась. И лизала, сосала, заглатывала. Вскоре мои яйца были смочены слюной и слезами моей овцы.

— Умница дочка, — гладил я ее по голове, пока она старательно пыталась заглатывать член вместе с яйцами — в меру своих скромных способностей, разумеется. — А теперь послушай папочку. Девочка придет, чтобы тебя научить своему мастерству. Один такой урок — и ты увидишь, как шлюха должна обслужить своего клиента. Один урок, Долли, и больше тебе не нужно.

— Вы обещаете, Господин? — прошептала моя соска со свежим б... дским фингалом под глазом. — Это правда?

— Да, сука, — устало зевнув, ответил я, извергая сперму в покорный пухлый ротик. — А теперь, б... дина, сгоняй за шампанским. Сейчас привезут шлюх на выбор, и я должен привести себя в порядок. Я вызову тебя по мобильнику.

Моя сучка, вытирая остатки спермы с подбородка, метнулась одеваться. Все-таки п... дить женщину святое дело.

Наконец звонок в дверь. Проверив на ощупь юные груди путан, я остановил выбор на смазливой блондиночке. Уж слишком по-б... дски блестели ее глаза.

И вот, после того как я пару раз задвинул моей гостье за щеку, вызываю жену. Говорю ей переодеться в халат на голое тело, подать даме шампанское и сесть по другую сторону от меня.

И вот сижу: по одну руку размалеванная б... дь, пахнущая дорогими духами, по другую — жена, в старом халате, с фингалом под глазом, ревниво наблюдающая за каждым движением, полным откровенной сексуальности, своей соперницы.

— Что сидишь? — пихнул я свою овцу. — Соси пока, а мы поговорим.

Но и отсасывая, моя женушка продолжала ревниво смотреть на путану.

— Почему Ваша жена на меня так смотрит? Что-то не так?

— А тебя это смущает?

— Ну, есть такое.

— Тогда нассы ей в рот. Она сразу поумнеет.

— То есть как насать? — округлила глаза проститутка.

— А вот так, легко и просто.

С этими словами я взял жену за волосы и приказал путане облегчиться ей в рот.

— Ой, а можно я еще выпью? Для храбрости, ха-ха.

Я подлил в бокал еще шампанского.

Юная б... дь медленно, со знанием дела, сняла юбочку и, раздвинув длинные ножки напротив испуганного лица моей жены, отодвинула в сторону бедра черные стринги.

— Ссы ей прямо в пасть, — скомандовал я.

Из ротика шлюхи вырвался смешок, и из ее продажной писечки полилась золотая струя. Прямо в рот жене. Та послушно пила и захлебывалась, захлебывалась и пила.

Затем жена снова стала сосать, а я целовался на диване с проституткой. Целовалась она, как типичная малолетняя б... дь, умело и задорно.

— А теперь, девочки, сосите по очереди. Марина, покажи моей жене, как это делается по-настоящему.

Ревниво-униженное выражение лица жены так гармонировало с беспечно-б... дским моей

второй х... соски, что я тут же кончил.

Потом две шлюхи стояли раком. И я е... л. Одну дырочку, вторую, одну, вторую...

Потом жена сидела у меня на члене, путана на лице, они двигались в такт и одновременно ласкали друг дружке груди с набухими сосками и целовались.

Затем — жена на спине, шлюха над ней раком, трется об ее живот сиськами, целует ее «девочку». Я е... у проститутку в попку, а кончаю в рот жене, пасть которой уже раскрыта и ждет под п... дой продажной девки своей порции спермы. Напоследок жена облизывает испачканный калом шлюхи х..

Ха, она не знала в этот момент, какое заводное видео наснимала у меня в комнате скрытая камера.

После мы проводили проститутку до стоянки такси. И вот моя женушка, еще несколько часов назад в приступе гнева выкрикивавшая то слово, снова моя покорная овца Долли. И заглядывает мне в глаза своим пугливым обожающим взглядом, словно спрашивая: «Ты счастлив, Хозяин?»

Да, был ли я счастлив? Был ли счастлив, когда, отправив жену в магазин, я встретил ее на пороге уже с двумя обнаженными девицами, и она убежала прочь в слезах? Был ли счастлив, когда я выгнал ее спать до утра на лестничную клетку, а утром заставил по всей квартире убирать использованные презервативы? Был ли счастлив, когда она, запертая на балконе, должна была наблюдать, как я делаю куни ее подружке?

Был ли?... Я, я не знаю. Вот она сидит привязанная к ножке стола, пока я пишу, пока еще в уме, эти строки, и обсасывает большой палец ноги. Ноги моего приятеля, которому я уступил на одну ночь свою рабыню. Правда, она еще не знает об этом.

Поймет, когда я незаметно выйду из квартиры и закрою дверь на ключ. И, испуганно обернувшись на лязг замка, она ощутит на своей щеке обжигающий удар наотмашь.

— А теперь на колени, сука!

Моя овца, моя овечка Долли выполнит приказ. И, отсасывая член у другого мужика, она будет представлять меня. По ее лицу будут струиться слезы. Как в тот первый день, когда я ее ударил. Когда она могла бы убрать мою руку и сказать:

— Пожалуйста, больше не делай этого.

Или:

— Не смей! никогда! этого! делать!

Моя овечка Долли тогда поцеловала мне руку...

Я мразь, Долли, и я ненавижу СЕБЯ за то, что ТЫ это сделала. Долли, моя овечка Долли, этот лист уже не переписать заново. Его можно только исписать до конца. А потом разорвать на мелкие кусочки и выкинуть их, Долли.

... Закрываю дверь на ключ. Прислушиваюсь в тишине. Слышу звук удара, а затем низким голосом отчеканенные слова:

— Сука, на колени перед Господином.

Не торопясь спускаюсь по лестнице вниз, выхожу из подъезда и иду в ночь. Ты сама этого хотела, моя маленькая покорная шлюшка. И еще, ты была права, я мразь, Долли. И знаешь, мне это нравится, черт побери.

И — не твой ли безропотный взгляд сделал меня твоим тираном?